

Николай Суворов

ВОЗВЕДЕНИЕ В УЧЕННЫЕ СТЕПЕНИ

Ученые степени в
Болонском универ-
ситете

В итальянских университетах возведение в ученые степени не получило такого сложного развития, как в парижском и позднее в германских университетах, хотя в зачатках и Болонья была уже знакома с тем разнообразием ученых степеней, которое отчетливо выступило в Париже и в Германии. Собственно говоря, единственной учёной степенью должна была быть степень доктора или магистра, то есть профессора, учителя, преподавателя, приобретающего эту степень с выполнением тех условий, которыми обставлена лицензия, то есть дозволение учить. Название «магистр» мало-помалу сделалось дос-

* Суворов Н.С. Средневековые университеты. М., 1898. Глава 4.

Продолжение. Начало: Развитие личности. 2005. № 3. С. 199–206; № 4. С. 188–198; 2006. № 1. С. 197–211; № 2. С. 216–236; № 3. С. 236–243; № 4. С. 228–237; 2007. № 1. С. 218–234; № 2. С. 226–232; № 3. С. 224–238; № 4. С. 206–218.

тоянием профессоров-артистов, а название «доктор» стало обычным для профессоров трёх высших факультетов, хотя в Германии случалось (например, в Праге), что магистрами назывались и те, которые имели высшую учёную степень в теологии. Ни на факультет артистов за магистерством не следовало докторство, как высшая степень, ни на остальных факультетах докторству не предшествовало магистерство, как низшая степень и как предварительное условие для получения докторства. Магистр искусств соответствовал доктору богословия, права или медицины. В Средние века градация образовалась другая: прежде чем сделаться доктором или магистром, нужно было пройти через стадии бакалавриата и лиценциатства. Уже в Болонье встречаются названия «бакалавра» и «лиценциат» как технические термины для обозначения известных категорий лиц, стремящихся к докторству или магистерству, хотя и нельзя сказать, что Болонья знала особые ученые степени бакалавра и лиценциата. Допущение к преподаванию лица, несколько лет штудировавшего ту или другую отрасль наук, допущение именно преподавать в качестве бакалавра, не усложнялось в Болонье испытанием, производимым профессорами, а зависело от распоряжения ректора, которое делалось на основании простого заявления о желании читать, причем уплачивалась известная пошлина. Затем, так как при испытании на степень доктора или магистра, и в Болонье уже различались две стадии – частное испытание и публичное – и так как до публичного, связанного с немалыми расходами, доходил не всякий, то тут, конечно, можно усматривать различие между доктором или магистром, с одной стороны, прошедшим обе стадии, и между лиценциатом, прошедшим только одну. Савиньи действительно и утверждал, что после первого испытания выдержавший его становился в Болонье лиценциатом, после второго – доктором. Но против этого возражают, что дозволение приступить к публичному испытанию не означало дозволения преподавать (*licentia docendi*), а это последнее именно и давалось вместе с докторскою или магистерскою степенью, так что тут не было места для лиценциатства как особой ученой степени в смысле парижском или германском. Вместе с лиценцией вручались и знаки докторского достоинства: книга, перстень, берет (четырёхугольная шапочка).

Обратимся теперь к Парижу.

Во-первых, здесь развилось в особую учёную степень бакалавриатство. Даже и те, которые оспаривают значение парижского бакалавриата как особой учёной сте-

Ученые степени
в Париже

пени, согласны видеть в нем особое «состояние», особый класс, средний между учащими и учащимися. Этимология слова «бакалавр» не установлена. На латинском языке оно писалось разное: *baccalarius*, *bacularius*, *bacellarius*, *bachilarius*, *bacchalarius*, *baccalaureus*. Одни производят бакалавра от *baculus* (палка), объясняя это словопроизводство или так, что школяр, выдержавший бакалаврское испытание, мог пригласить на пирушку своих приятелей, в особенности экзаменаторов, и вести их до своей квартиры с преднесением факультетского «скипетра» (*baculus*, *virga*, *sceptrum*), или так, что выдержавшему испытание давался жезл как символ учительского авторитета. Некоторые производят бакалавра от ветки лаврового дерева (*bacca laurea*), которою увенчивался выдержавший испытание; но это словопроизводство явилось впервые у гуманистов, которые ввели и самый термин: *baccalaureus*. Ни то ни другое словопроизводство не выражает идеи подчинённого или второстепенного ранга, которая несомненно связывалась в Средние века с латинским: *baccalarius* и с соответствующим французским словом: *bachelier*. Бакаларием в Средние века назывался вассал низшего порядка, сидевший на помещичьей или на церковной земле землевладельцев, каноник низшего ранга в церковном капитуле, подмастерье в ремесленных цехах, воин недостаточно богатый, чтобы повести с собой на войну достаточное число вооружённых людей. Савиньи нашёл, что в старинных статутах города Рима журнал городской кассы, в противоположность главной книге (*liber*), назывался *baccalarius*. А французы своего *bachelier* прямо производят от *bas chevalier*: это был термин из французской феодальной военной организации, означавший воина, шедшего на войну за свой счет, но без свиты и скромно экипированного. Любопытно еще, что в Пикардии неженатая и незамужняя молодежь называлась *bacheliers* и *bachelettes*, очевидно, потому, что не поднялась еще до состояния семейных людей, живущих своим домом. Из всего этого следует, что и с академическим бакалавром связывалась мысль о чем-то низшем, второстепенном, или точнее, мысль о нем как о преподавателе низшего ранга, как о подмастерье учёного цеха.

Испытания и присяга при возведении в ученую степень

В Париже еще в XII веке, следовательно, до образования университета, существовал обычай, по которому школяры, считавшие себя достаточно подготовленными, делали опыты чтения лекций и диспутирования под руководством своих учителей. В начале XIII века у парижских артистов является уже форменный экзамен,

который производился к празднику Рождества Христова и с которым соединялось обязательство следующим постом держать публичные диспутации, «детерминировать», как тогда выражались, так как сущность дела состояла в том, чтобы разрешить поставленный вопрос или тезис разграничением и определением понятий, в нём содержащихся. Подобные же испытания были введены и на других факультетах, с тем лишь различием, что бакалаврские испытания артистов производились в пределах наций, к которым направлялись и жалобы в случае недовольства лиц, подвергавшихся испытанию, оценкою их знаний со стороны экзаменаторов, тогда как у теологов, канонистов и медиков испытания эти были факультетским делом. В парижских статутах бакалаврство было названо «первою дверью для достижения прочих степеней». Перед получением степени аспирант должен был принести присягу в том, что будет повиноваться факультету и исполнять все возлагаемые на него факультетом обязанности, оказывать почтение и повиновение декану, коллегии докторов или магистров и каждому из них в отдельности, не нарушать статутов, прав, вольностей, постановлений, обычаев, ни прямо, ни косвенно, ни открыто, ни тайно, ни молчаливо, ни явственно, устроить обед своему патрону-доктору или магистру, под руководством которого он штудировал и который ходатайствовал пред факультетом или нацией о допущении его к испытанию. Самое торжество возведения в бакалавры ознаменовывалось обыкновенно речью возведенного, которая должна была, во-первых, показать его научную развитость и умение владеть словом, во-вторых, выразить его чувства. Так, на факультете канонистов бакалавр, во-первых, держал т.н. *prositum*, представляя мотивированное разрешение одного или нескольких канонических вопросов, с опровержением мнений противоположных, во-вторых, произносил слово (*haranga*) в похвалу или в честь права, заимствуя текст своей речи из канонических книг и превознося на все манеры каноническое право, воспитывая при этом гимн признательности факультету и заканчивая благодарением Богу, Пресвятой Деве, рекомендовавшему его патрону и докторам.

Бакалавры –
учащиеся и учащие

Бакалавры, не переставая учиться, могли и сами преподавать; университет даже рассчитывал на их преподавательский труд. На факультете артистов, впрочем, их преподавательская деятельность всегда держалась в скромных границах, потому что преподавание здесь всегда считалось существенным делом самих ма-

гистров, которых к тому же всегда было много на этом факультете. На медицинском факультете бакалавры могли читать школярам те книги, которые самими ими были прослушаны. У канонистов чтение декреталов, т.е. сборников папского законодательства, поручалось обыкновенно бакалаврам, тогда как «декрет» Грациана, считавшийся более важным, читали сами доктора, отчего и факультет назывался факультетом декретистов. Но особенно усиленную была деятельность бакалавров как преподавателей на богословском факультете. Так как доктора теологии были обязаны читать только раз в две и три недели, фактически большею частью и не читали чаще, председательствуя лишь на диспутациях и участвуя в испытаниях и в торжественных актах университета, то преподавание в действительности велось бакалаврами.

Разделение бакалавров на категории и выдача лицензий

Смотря по тому, что и как поручалось им преподавать, и смотря по тому, как сами они двигались вперед в своих занятиях, бакалавры распадалась на несколько категорий: 1) библейцы (*biblici*), которые читали Библию, и притом или сподряд и в обыкновенные дни и часы преподавания (*biblici ordinarii*), или бегло и на выбор одну книгу из Нового, другую из Ветхого Завета и вне обыкновенных часов чтения (*cursores*); 2) сентенциарии (*sententiarii*), читавшие «сентенции» Петра Ломбарда – средневековый официальный учебник догматического богословия; 3) сформированные, вполне образовавшиеся, готовые к лицензии бакалавры (*baccalarii formati*), главным образом практиковавшиеся в диспутах и проповедях ввиду предстоящего испытания на лицензию; сентенциарии из нищенствующих монахов могли быть прямо представляемы к лицензии. Разумеется, не все, получившие бакалаврство, желали двигаться дальше на учёном поприще: большинство, получив эту степень, оставляло университет для занятия должностей церковных и государственных. Диплома не выдавалось, но, по желанию, могло быть дано письменное удостоверение в получении бакалаврства от факультета, а артистам от нации. Те же из бакалавров, которые имели честолюбивое желание получить высшую учёную степень, исполняли, в течение установленного числа лет, обязанности, возлагавшиеся на них факультетом, штудировав в то же время науку, и затем представлялись своим патроном к испытанию на лицензию, после чего, собственно говоря, и должна бы была непосредственно приобретаться докторская или магистерская степень. Лицензия, по первоначальному её смыслу, и должна

была означать не что иное, как предоставление полного преподавательского или учительского, профессорского права. Право это давалось канцлером – кафедральным или св. Женеьевы, как представителем папского авторитета, произведенного профессорами, так что непосредственным результатом испытания и условливаемой им лицензии должно бы было явиться возведение в докторство или магистерство. Канцлерская лицензия давалась в неограниченной формуле: «я (такой-то канцлер), в силу полномочия апостольского, даю тебе дозволение читать, управлять, диспутировать, учить (по такому-то факультету) здесь и повсеместно». Но университет постарался ограничить этот принципиально-неограниченный смысл канцлерской лицензии. Образовалось два акта: лицензия на основании предшествующего испытания и принятие в докторскую или магистерскую коллегию.

Испытания и принятие в докторскую или магистерскую коллегию

Для испытания назначались определённые сроки или периоды (на высших факультетах через два года); форма и процедура испытания были разные. У артистов производились четырьмя экзаменаторами, которых назначал кафедральный канцлер, по одному от каждой нации, а если лицензия испрашивалась от канцлера св. Женеьевы, имело место даже двойное испытание: первое производилось четырьмя экзаменаторами, назначенными канцлером, по одному от нации, второе – четырьмя экзаменаторами, которых назначали сами нации. На высших факультетах испытания производились в присутствии всех докторов, а прежде чем быть допущенным к испытанию, аспирант должен был вручить всем докторам записку, в которой обозначалось, сколько времени он провёл в занятиях и чем именно занимался. Доктора проверяли правильность изложенных данных, и на основании как этих документов, так и результатов экзамена составляли список кандидатов на лицензию, в строгой последовательности их сравнительного достоинства, отличий и заслуг. Канцлером затем назначался день, когда испытанные должны были явиться к нему для получения лицензии, формула которой была приведена выше. Во-первых, факультет приводил лицензиата, как и бакалавра, к присяге, которою присягающий обязывался во всем беспрекословно повиноваться факультету, и присяга эта имела в сущности оппозиционный характер относительно канцлера. Факультет желал сказать этим, что хотя лицензию дает канцлер, но лицензиат должен помнить, что он связан безусловным повиновением коллегии профессоров. Но

этого мало. Должен был, во-вторых, состояться торжественный прием или ввод лицензиата в коллегия профессоров с известными обрядами. Доктор должен был получить докторскую шляпу (*bonnet*) как символ учительского достоинства, и это символическое действие было обставлено большою торжественностью, в которой главную роль играл диспут, совершавшийся даже не в один приём. На высших факультетах в особенности развились целых три акта: один вечером, второй накануне получения шляпы (отсюда его название: *aulique*), и третий, как пробный урок начинающего преподавать доктора, имевший, однако, тесную связь с тем, что говорилось во дворце, именно служивший некоторым резюме (отсюда его название – *resompte*). Два первых акта носили еще особое название «начала» (*incertio, principium*). За две недели до вечернего акта лицензиат в парадном одеянии должен был посетить докторов и бакалавров и вручить им четыре тезиса, из которых два должны быть предметом диспута вечером и два во дворце. Вечерний диспут происходил под председательством одного из докторов и оканчивался речью председателя в похвалу докторанта. Диспут во дворце вёлся докторантом уже в шляпе, которую возлагал на него или канцлер, или председательствовавший доктор со словами: «Начинай во имя Отца и Сына и Св. Духа, аминь». Как тот, так и другой диспут захватывали массу лиц и имели такой вид, что не только докторанту приходилось защищать выставленные им положения от нападений присутствующих докторов и бакалавров, но и предоставлялось один из поставленных вопросов разрешить какому-нибудь бакалавру, и ученое оружие потом направлялось на этого бакалавра.

Получение докторской шляпы требовало больших расходов

При *resompte* тоже не обходилось без диспута между присутствующими бакалаврами, пока новый доктор не разрешал окончательно спорного вопроса. Самое важное в обрядах возведения в докторство было то, что получение докторской шляпы требовало больших расходов, хотя за саму лицензию строго воспрещалось взимать что-либо как канцлеру, так и экзаменаторам, за исключением четырех су за траву или солому. Акты академические совершались в храмах, полы которых устилались в летнее время травой, в зимнее – соломой, причем трава и солома служили для сиденья присутствующей публике. Не считая четырехфунтовой восковой свечи к ближайшей факультетской мессе, не считая сравнительно невинных издержек на угощение докторов вином и конфетами (эти издержки делались еще до

получения лицензии после окончания испытаний, когда бакалавр получил уверенность в том, что лицензия будет ему дана), аспирант на докторскую или магистерскую степень должен был презентовать всем докторам или магистрам, а также бакалаврам подарки: сукна на платье, ценный мех, шляпы и т.п., кроме того, устроить фестиваль для очень многочисленного собрания. Поэтому, например, на факультете декретистов прямо требовалось, чтобы желающий получить докторскую степень присягнул в том, что он имеет годовой доход не менее 80 парижских фунтов – от собственного ли имущества, или от церковной бенефиции. Дело заходило так далеко, что папа Климент V на соборе венском 1311 года (причисляемом на Западе к вселенским) запретил истрачивать по случаю получения докторства или магистерства, больше 4 000 руб. на наши деньги. Немудрено, что для многих, получивших лицензию, оказывалось невозможным выдержать финансовую тяжесть того «начала», с которым стало связываться получение докторской или магистерской степени. Таким-то образом группа лицензиатов и выделилась, как особая университетская или ученая степень, средняя между бакалавратством и докторством или магистерством. В Оксфорде особого класса лицензиатов не образовалось потому, что за лицензией должно было обязательство, в течение годового срока, последовать «начало», а вместе с «началом» приобретаться и высшая учёная степень, иначе самая лицензия теряла силу.

Ученые степени
в германских
университетах

Три ученые степени – бакалавра, лицензиата и доктора или магистра – перешли и в германские университеты, хотя не только в разных университетах, но и в одном же университете на разных факультетах значение бакалавратства и лицензиата и порядок всех вообще учёных степеней были неодинаковы.

На теологическом факультете школяр (магистр искусств, прослушавший пять или шесть лет теологические лекции) обращался к преподавателю, которого он слушал, или, как в некоторых университетах, к декану с просьбой объявить его зрелым. Такое объявление делалось в созванном нарочито собрании, после чего заявивший должен был удалиться, а члены собрания, в отсутствие его, вступали в обсуждение вопроса о наличности условий, требуемых для бакалавратства. Если возражений не предъявлялось, школяра призывали в собрание, где он давал присягу повиноваться факультету и, согласно его предписаниям, два года посещать лекции докторов и в то же время сам прочитывать по

80 лекций о 80-ти главах Библии, по указанию факультета, принимая так же участие в других актах факультета, кроме того, не искать этой же самой степени в другом университете. В объяснение последнего пункта присяги нужно сказать, что, хотя ученые степени одного университета должны были признаваться во всех других, в практике вопрос осложнялся тем, что во многих университетах порядок был заведомо расстроен, способных профессоров не было или было недостаточно, и что в таких университетах скорее производилась торговля учёными степенями, чем возведение в них лиц подготовленных. Отсюда некоторые обременительные условия, ставившиеся докторам и проч., переходившим в один университет из другого (например, не сразу принимали чужого доктора в управляющий совет факультетов или, например, в Кёльне три чужих года считались за одни кёльнский). Но отсюда же, с другой стороны, ревнивое опасение университета, как бы промовированный* в нём не подорвал его чести и достоинства, унизившись до испрошения той же самой учёной степени в другом университете, для упрочнения своего в нём положения, в случае перехода.

Получившие степень бакалавра в теологии различались по категориям

Получившие степень бакалавра в теологии различались приблизительно по тем же трём категориям, как и в Париже (курсоры, сентенциарии и сформированные); прошедшие стаж представлялись к лицензии. В Вене, Ингольштадте и Эрфурте лицензия давалась на основании испытания, произведённого факультетом, даже при участии самого канцлера в испытании, причём, однако, оценка принадлежала не канцлеру, а факультету. В других университетах не производилось никакого испытания, если кандидат на лицензию был не моложе 30 лет, в течение многих уже лет читал лекции и мерился силами с докторами на диспутациях. Кандидат подавал прошение о лицензии, и факультет, знавший его не по экзамену только, решал, можно ли его допустить. Если оказывалось, что можно, факультет просил канцлера дать лицензию или назначить срок для этого. В назначенный срок собирался целый факультет – доктора, бакалавры и школяры. Канцлер сам лично, или, по его поручению, один из докторов, держал речь в похвалу кандидату, рекомендуя его, после чего кандидат давал присягу в повиновении факультету и в том, что не будет искать той же степени в дру-

* *Промоция* – латин. *promotio* – продвижение. Возведение в высшую ученую степень или в почетное звание.

Различие
лицензирования
и докторства

гом университете, а по получении лицензии будет известное время заниматься преподаванием; в заключение же канцлер (или действующий по его поручению доктор) давал кандидату лицензию, предоставлявшую ему возможность осуществления всех прав профессоров теологического факультета: читать, управлять, диспутировать и т.д. здесь и повсеместно.

В действительности, однако, как и в Париже, докторские права могли быть вполне осуществляемы только по приобретении знаков докторского достоинства, и это приобретение, как и в Париже, было обставлено известными формальностями. Принципиальная подкладка различия между лицензией и докторством должна состоять в том, что лицензию даёт канцлер, а промоция в докторство совершается доктором же, то есть факультетом в лице декана, чаще всего в лице доктора-патрона, руководившего занятиями аспиранта. Этот доктор и назывался поэтому «промотором» или даже «отцом». Подкладка эта существовала без всякого сомнения и в Париже, но в Германии она выступала более явственно, хотя и здесь в некоторых университетах принцип не выдерживался и затемнялся таким образом, что канцлером же совершалось и вручение знаков докторского достоинства. Знаки, как и в Париже, вручались *in aula*, только обыкновенно не в зале епископского дворца, а в главном зале университета, чему предшествовал словесный турнир накануне вечером (*vesperiae*), а на следующий день после возведения в докторское достоинство новый доктор читал первую, уже в собственном смысле, лекцию, в конце которой всё-таки снова возвращался к вопросу, дебатировавшемуся на диспуте, разъясняя то, что осталось ещё неразъяснённым, и заканчивал благодарностью всем, кто содействовал ему в изучении науки.

Прощение о промоции и регламент возведения в ученую степень

У юристов не требовалось непременно, чтобы желающий приобретать степени по юридическому факультету был магистром искусств, но само собою предполагалось достаточное знание в искусствах, так что в действительности немалое число промовируемых на юридических факультетах Германии было из магистров *in artibus*. То, что требовалось непременно и безусловно – это знание латинского языка и диалектики, без которых невозможно было следить за юридическими лекциями, строившимися по схоластическому методу. В Эрфурте (а с эрфуртским порядком в других германских университетах) школяр, желавший получить

степень бакалавра, обращался с просьбой о промоции к тому доктору, под руководством которого он занимался. Доктор входил с представлением о нём в коллегия докторов, и если последняя, обсудив наличность в данном случае условий, требующихся для бакалаврства (послушаны ли требуемые лекции, законнорождённый ли кандидат и добрую ли репутацию имеет он), находила промоцию возможною, доктор-промотор указывал кандидату один или два титула декреталов или юстиниановых книг, которые кандидат должен был интерпретировать в аудитории университета. Этот акт носил характер не испытания, а лекции, на которой члены коллегии докторов могли и не присутствовать. Но им докладывалось, как держал себя школяр, и если молва была не неблагоприятная, то он допускался (пожалуй, и на следующий день) к испытанию в коллегии, причём испытание производилось тем доктором, от которого исходило представление, и ещё одним или двумя докторами.

За испытанием следовала присяга

За выдержанием испытания следовала присяга — ещё не менее года оставаться в университете как для слушания, так и для чтения лекций, за присягой — уплата положенной пошлины, после чего давалась искомая степень в торжественном акте, при котором промотор сидел на высокой кафедре, а кандидат в бакалавры на низкой. Акт состоял в том, что кандидат читал текст какого-нибудь закона и комментировал его, а комментарий служил поводом к диспуту. После диспута опять присяга: кандидат должен был присягнуть, во-первых, в том, что не будет искать степени бакалавра в каком-либо другом университете, будет во всём содействовать благу университета и факультета и повиняться университету, во-вторых, в том, что он университета не оставит, пока не доведёт до конца лекции по четвёртой книге декреталов, а при промоции в римском праве — лекции по институциям, или по другой книге, указанной факультетом. В заключение промотор держал речь в похвалу виновника торжества и провозглашал его бакалавром, в чём выдавалось форменное удостоверение за печатью факультета, с уплатой за то пошлины. Бакалавр, слушавший и читавший лекции установленное число лет, представлялся одним из докторов или, как в некоторых университетах требовалось, деканом к лицензии. Вообще целый период подготовки, от начала занятий по одному из обоих прав (римскому или каноническому) был неодинаков в разных университетах: в Эрфурте 8 лет, в Вене, Кёльне и Фрейбурге 7, в Гейдельберге 6, а позднее 5, в Базеле и Тюбингене 5, в Лейпци-

ге сначала 6, потом 4. В большей части статуты* этот подготовительный период делился для обеих степеней поровну, т.е. одна половина срока давалась школяру для подготовки к бакалаврству, а другая бакалавру для подготовки к лицензии; но, например, в Гейдельберге на подготовку к бакалаврству полагалось четыре года из шести, а во Фрейбурге, напротив, два из семи. Там, где доктор представлял к лицензии, он должен был предварительно произнести испытание частным образом (*privatim*), которое, однако, в некоторых университетах превратилось в форменное испытание, а в Тюбингене, где представление к лицензии должно было исходить от декана, последний назначал испытательную комиссию из трёх членов.

Облечение в докторские достоинства

Возведение в доктора могло последовать в тот же день, в который канцлер, на основании суждений докторов, давал лицензию. Облечение в докторское достоинство совершалось с торжественностью: все члены факультета, по приглашению виновника торжества, шествовали в порядке рангов, а впереди их ехали верхом педеля** со «скипетром». Перед промоцией, разумеется, приносилась присяга с известным нам содержанием, а за вручением знаков докторского достоинства следовали речь, диспут, благодарность доктору-промотору и проч.

Подготовка и приобщение к бакалаврству

На медицинском факультете для подготовки к бакалаврству требовались от школяра, если он был «магистром искусств», то двухлетние, то более продолжительные занятия, а если школяры не были магистрами или лиценциатами *in artibus*, – годом больше. А, например, в Тюбингене приобретение бакалаврства не считалось необходимым, так что дозволялось всё время занятий вплоть до лицензии пройти без промежуточных ступеней. Для подготовки же бакалавров к лицензии ни в одном университете не было установлено определённого срока. Так как требовалось прослушивание всего цикла средневековых учебников по медицине, то в действительности время колебалось от четырех до шести лет. На медицинском факультете право и соответственная обязанность бакалавров читать лекции выступали более сильно, чем у юристов, почти с такою же силою, как у теологов. В Лейпциге ещё и не достигшие бакалаврства школяры сопровождали докторов на практику; в других университетах это требование существовало только для бакалавров, готовящихся к лицензии.

* *Статут* – от латин. *statutus* – основной закон, уложение.

** *Педель* – нем. *Pedell* – надзиратель за студентами в университете.

Регламентация и лицензирование врачебной практики на медицинских факультетах

По получении лицензии, лицензиат мог практиковать; но всё ещё обязывался в течение года сопровождать опытных докторов на практику. Степени медиков были вместе и свидетельствами на право лечения больных, – отсюда опасение, чтобы бакалавр не увлёкся и не возомнил, что его степень включает уже в себе право на самостоятельную практику; отсюда же требование венских статутов, чтобы никакому бакалавру не давалась лицензия раньше 26 лет возраста, да и то лишь предполагая, что у него не женоподобный вид (*non nimis muliebris in facie*), в противном случае не раньше 28 лет. Но если для своих собственных членов университет ограничивал практику, то тем неприязненнее он должен был относиться к лицам, не принадлежавшим к медицинскому факультету. Например, в Вене строжайшим образом, под страхом разных наказаний, до отлучения от церкви включительно, воспрещалась врачебная практика лицам, не принадлежавшим к медицинскому факультету. Пришлые высылались из города; местные жители заключались в тюрьму, у аптекарей закрывались аптеки; монахам и монахиням, занимавшимся незаконной врачебной практикой (*Kurpfusherei*), отказывалось, при их заболеваниях, во врачебной помощи факультетских докторов.

Представление к бакалаврству

Формального экзамена на степень бакалавра в некоторых университетах не требовалось, а в других, напротив, требовались даже два испытания: частное и публичное или строгое (*rigorosum*). Представление к бакалаврству исходило от доктора; самый акт провозглашения бакалавром оставлен был такими же приближенно подробностями, как на других факультетах. Представление бакалавра к лицензии также исходило от доктора, к которому кандидат на лицензию должен был обратиться с просьбой о промоции.

Процедура облечения знаками докторского достоинства

После получения от канцлера лицензии облечение знаками докторского достоинства совершалось при такой же обстановке, как и на других факультетах; торжество заканчивалось обедом в квартире нового доктора. В Ингольштадте существовала оригинальная процедура, смутная и сбивчивая с принципиальной точки зрения различия между лицензией и возведением в докторство. Испытание на лицензию могло тут растянуться на несколько дней. Во-первых, аспирант испытывался в назначенном для того месте присутствовавшими докторами; затем отдельные доктора могли приглашать его в свою квартиру и дома у себя испытывать его по своему усмотрению; после этого факультет решал, следует ли

войти с представлением к канцлеру о допущении аспиранта к публичному экзамену. Канцлер давал полномочие факультету произвести публичное испытание; по окончании испытания декан собирал голоса и сам, или через педеля, объявлял испытуемому о благоприятном исходе испытания. Педель, со своей стороны, сообщал об этом результате вне стоявшей и теперь с шумом врывающейся в залу толпе школяров, в присутствии которых докторант благодарил краткою речью доктора «отца» и предлагал всем присутствующим вино и конфеты. После этой приятной паузы факультет удалялся к вице-канцлеру, к которому декан обращался с просьбой назначить день для возведения в докторство. В назначенный день, после приведения виновника торжества к присяге, отправлялись к канцлеру, который к этому моменту находился в одной из комнат университетского помещения и к которому докторант обращался с краткою речью, прося его о лицензии, после чего вице-канцлер входил на кафедру, снова заставлял кандидата принести установленную присягу и давал лицензию. Тогда доктора удалялись вместе с новым лицензиатом в другую комнату, облачали его в официальный костюм и возвращались в ту комнату, где раньше были, кругом, во главе которого шествовали «отец» с докторантом. «Отец» всходил на кафедру, а докторант оставался у двери и просил почтить его докторскими знаками. После получения просимого новый докторант давал третью присягу и начинал свою докторскую преподавательскую деятельность краткою лекцией и постановкой тезиса или вопроса, который, по возможности, быстро разрешался одним из бакалавров. Торжество заканчивалось благодарностью присутствующих, отправлением в церковь Пресвятой Девы и оттуда на докторский обед.

Установление сроков для испытаний

У артистов, ввиду того, что промоции у них бывали очень часты (на высших факультетах, особенно у медиков, иногда в течение нескольких лет не было производства в учёные степени), были установлены сроки для испытаний: два срока в год для испытаний на степень бакалавра и один срок для испытания на лицензию. Кроме того, важная разница от других факультетов состояла в том, что лицензия у артистов не так резко разграничивалась от магистерства.

Различение ученых степеней по факультетам

На высших факультетах многие, получив лицензию, так и оставались лицензиатами навсегда, или, по крайней мере, надолго, главным образом потому, что им были не под силу те издержки, с которыми сопряжены были докторские промоции. Этот факт принимался

в расчёт, так что лиценциатам, как людям в сущности имевшим одинаковый учёный ценз с докторами, предоставлялись иногда права докторов в делах факультетского управления. У артистов издержки были не так значительны при промоции в магистры, зато и права магистров в делах факультетских давались лиценциатам не так легко. Замечено, что во многих книгах деканатов, т.е. в тех книгах, которые велись деканами факультета артистов, о лицензии ничего не говорится, а говорится только о возведении в бакалавры и магистры. В Лейпциге испытуемый даже должен был присягнуть в том, что если ему дана будет лицензия, то он в течение года приобретёт степень магистра, а в Гейдельберге уже при получении лицензии должна была уплачиваться та пошлина, которая положена была за промоцию в магистры, и тут же заявлялось имя того магистра, от которого аспирант желал получить магистерство. Принципиально всё-таки и на этом факультете разграничение между лицензией и магистерством делалось: лицензию давал канцлер, бакалаврство и магистерство – факультет.

Возрастной ценз

Промовируемый в магистры должен был иметь по крайней мере 21 год, а в бакалавры 17 лет. Предшествующее бакалаврству время занятий должно было продолжаться полтора–три года. Требования при испытаниях на бакалавра были очень невысоки: некоторая твёрдость в элементах грамматики, известный навык в латинской обиходной речи, не претендующий на правильность выражений, и известное знакомство с формулами и приёмами логики. Что касается в особенности латинской обыденной речи, быстрый навык к ней обеспечивался строжайшим восприятием, под страхом штрафа, разговаривать в бурсах на каком-нибудь другом языке, кроме латинского.

Образовательный ценз

В лейпцигском статуте, который был прямо направлен на то, чтобы при помощи более строгих предписаний устранить слабость, господствовавшую при испытаниях и позорившую университет, прописано, что никто не может быть признан выдержавшим испытание на степень бакалавра или магистра, если он оказался не в состоянии грамматически расчлнить предложение, указать существительные имена и глаголы и удовлетворительно ответить на вопросы из склонений и спряжений, из учения о согласовании слов и т.п.

Различия в правах у бакалавров на разных факультетах

И скромный уровень знаний, и юный возраст многих бакалавров делали невозможным хотя бы приблизительное соответствие между степенью бакалавра на факультете артистов и тою же степенью на других фа-

культетах. Но у артистов бакалаврская степень всё-таки давала некоторые права: и чтение лекции могло им поручаться, и в диспутациях они играли немаловажную роль, а диспутации составляли, так сказать, существенную сторону жизни средневековых университетов вообще; бакалавры могли иметь готовое содержание в бурсах в качестве помощников магистров, или даже в качестве заведующих бурсами; они могли наконец со своим бакалаврским титулом уходить из университета в гражданскую жизнь на гражданскую службу, на канцелярские и учительские должности. Во многих университетах было постановлено, что только $1/4$ имматрикулированных школяров возводится в бакалавры и $1/4$ бакалавров в магистры, а в некоторых университетах случалось иногда, что из всего количества бакалавров только $1/6$, даже $1/10$ промовировалась в магистры, так что $3/4$ или $5/6$, даже $9/10$ бакалавров довольствовались этою степенью и уходили в общегражданскую жизнь, причём титул бакалавра служил рекомендацией для многих должностей. Бакалаврство у артистов давалось на основании испытания, после чего аспирант допускался к так называемому детерминированию, то есть к разрешению поставленного (на диспут) вопроса разграничением и определением понятий, а за детерминированием следовала промоция. Промотор – один из магистров, большею частью по выбору самого аспиранта, но напр. в Виттенберге непременно магистр, принадлежавший к факультетскому сенату и притом старший по возрасту. Получившие бакалаврскую степень обязывались посещать определённые лекции и практические упражнения наравне со школярами, но и сами читали лекции о начальных основаниях грамматики, риторики и логики. Немало издавалось протекционных постановлений в пользу магистров против конкуренции бакалавров и запретительных против погони за наживой. Старые бакалавры, не имевшие средств или мужества приобрести степень магистра и в то же время не желавшие оставить университет, составляли, по выражению Кауфмана, зерно того учёного пролетариата, которым болели средневековые университеты. Но обязательство бакалавров держать диспутации и участвовать в диспутациях строго поддерживалось. Можно сказать даже, что весь ход учебных занятий на факультете артистов был рассчитан на это участие; без них, если бы и не остановилась совсем машина, магистры во всяком случае были бы чрезвычайно затруднены; поэтому-то

Значение законности, безупречности поведения и выполнения предписаний для возведения в степень магистра

на бакалавров всех факультетов и возлагалось обязательство ещё оставаться в университетах года на два.

Перед получением лицензии и возведением в степень магистра производилось исследование о законности, безупречности поведения, о выполнении предписанных требований касательно лекций, диспутиций и т.д. Всё это подкреплялось присягой, а затем ещё новая присяга подчиниться беспрекословно суждению экзаменаторов и не мстить им. Экзаменаторы назначаемы были факультетом и тоже давали присягу производить испытание честно, недостойного не пропускать и условного суждения не произносить. Обыкновенно различалось частное или предварительное испытание и публичное. В публичном испытании, которое могло продолжаться до 14 дней, принимал в некоторых университетах участие канцлер (или его представитель) в качестве главы испытательной комиссии или же только в качестве наблюдателя за ходом испытания. Лицензию давал канцлер, после чего новый лицензиат устраивал т.н. обед Аристотеля (*prandium Aristotelis*), на котором председательствовал декан, и к которому приглашались по возможности все члены факультета с учёными степенями. О возведении в магистерство лицензиат обращался с просьбой к декану. Церемония возведения в магистры должна была состояться в течение года со времени получения лицензии, а если время затягивалось, то лицензиатам следующего года уже предоставлялся высший ранг. От возводимого в магистры отбиралась обычная присяга – не искать магистерской степени в другом университете и проч. Самый акт возведения в магистры совершался по аналогии с промоциями на высших факультетах. Новый магистр (*magister novellus*) обязывался в течение двух лет исполнять преподавательские обязанности на факультете.

Лицензирование и испытания

Таким образом, высшая учёная степень на всех факультетах, собственно говоря, не предварялась и не условливалась испытанием; испытание предшествовало лицензии; и раз лицензия получена, никаких испытаний после неё уже не было. Если оставить в стороне разные аксессуары (речи, диспутации, много раз повторяемую присягу), сущность акта взведения в докторство или магистерство состояла в облечении кандидата знаками докторского или магистерского достоинства. Бакалаврство и лицензия давались без всяких символов, на основании более или менее тщательных испытаний. Напротив дарование докторства и магистерства выражалось в ряде символических действий, и этот симво-

лизм в германских университетах представляется более развитым и сложным, чем в Болонье и Париже. По-видимому, повсеместно практиковались: возложение на голову промовируемого шляпы (берета) как знак свободы и достоинства, вручение ему книги в двух видах – открытой и закрытой, как символ занятий и размышлений, целование нового доктора или магистра доктором-промотором как выражение товарищеской солидарности, надевание перстня на руку, вероятно, как символ обручения с наукой (промовируемым монахам перстень не надевался). Встречаются, кроме того, ещё передача кафедры, благословение (*benediction magistralis*), облачение в докторскую мантию (*sappa doctoralis*), особенно на медицинском факультете.

Промоции как источник доходов университетов

Промоции составляли праздник для университета и важный источник дохода для него. Пошлины за степень на факультете артистов были невелики: но, благодаря большому числу промоций, факультет извлекал из этого источника значительные суммы. На высших факультетах докторские промоции случались раз-два в год; но пошлины были высоки, и понятно, почему университет желал, чтобы его питомцы не только не искали той же степени в другом университете (это значило бы подорвать честь университета, так как непризнание степени означало бы непризнание самого университета, давшего степень), но и вообще не искали учёных степеней в других университетах. К пошлинам присоединялись разные обязательные подарки, главным образом на высших факультетах: пара перчаток, берет, монета и несколько аршин сукна всем присутствующим при промоции докторам и магистрам. Во Франкфурте доктора разных факультетов заключали между собою форменные договоры, в силу которых, например, докторам медицины обеспечивалось право на подарки при промоциях юристов и теологов, и наоборот. Этим путём каждый факультет обеспечивал себе участие других факультетов в его промоциях. Промоция была, конечно, факультетским делом; но факультет желал выразить видимым и наглядным образом, что он осуществляет своё право промоции именно как член университета, на основании привилегий, дарованных университету, так что привлечение других факультетов к участию в факультетском торжестве казалось не только выражением вежливости, но и засвидетельствованием общности интереса. Поэтому случалось, что и ректор, как глава университета, участвовал в факультетской промоции, и присяга докторов и магистров приносилась отчасти пред лицом ректора.

Угощение экзаменаторов и застоля после промоционных торжеств

Сумма расходов на промоции увеличивалась затем угощением экзаменаторов, при производстве испытания, и канцлера. Экзаменаторам каждый день, пока продолжаются испытания, для подкрепления сил должны были доставляться сыр, хлеб и две-три фляги вина; самому испытуемому, однако, строго воспрещалось приносить с собой в испытательную комнату что-либо съестное или вино, под страхом недопущения к экзамену. Канцлеру или его представителю, после промоционных торжеств, испытуемые преподносили меру мальвазии и фунт конфет (*mensuram vini Malvaseti cum libra de zuckaro confecti*). Правда, гейдельберский канцлер, кафедральный прость, заявил в 1489 году претензию на более существенные доходы; но университет отразил эту претензию ссылкой на статуты, в которых было ясно выражено, что экзаменаторам при производстве испытаний ничего не полагается, кроме сыра, хлеба и вина, а канцлеру при промоции ничего, кроме мальвазии и фунта конфет. Самую серьёзную статью расхода составлял докторский обед. В Лейпциге в начале XVI века рассчитывалось, что доктор прав при помощи промоции должен издержать 250 дукатов. У артистов обычай давать подарки участвующим при промоции магистрам не укоренился, но «аристотелевский обед» был нечто неизбежное, и он имел особое, так сказать, принципиальное значение. Это не была докторская закуска в вульгарном смысле слова, — это был чуть не официальный фестиваль под председательством декана; факультет, окончив экзаменационную работу, длившуюся несколько дней, принимал у себя ректора и докторов высших факультетов в качестве гостей, конечно, на счёт виновника торжества. Но и этого мало.

Школяры тоже чувствовали себя членами факультета

Школяры ведь тоже чувствовали себя членами факультета и университета. Не получив приглашение на «*grandium Aristotelis*», они тем не менее желали в нём участвовать, и участие их проявлялось в том, что они нападали на служителей, несших кушанья и напитки к столу, и от стола в квартиры господ магистров и докторов, по распоряжению этих последних, старались вырвать из рук служителей соблазнительные для их тощих желудков блюда и фляги, даже мешали гостям идти на пир или бесцеремонно вталкивали их в то помещение, где должно было состояться пиршество. С обычаем этим настолько ознакомились, что, например, в Лейпциге аккуратно за день до «аристотельского обеда» от имени ректора вывешивался приказ школярам сидеть

Академическое
достоинство должно
быть дано
университетом

смирно в своих бурсах и помещениях, гостям и служащим не мешать и кушаньев не отнимать.

Выше было замечено, что значительные размеры издержек были главной причиной, почему не всякий бакалавр, даже и способный и желавший дальше двигаться в штудировании наук, доходил до лицензии, и ещё менее всякий лицензиат мог добиться получения докторских или магистерских знаков. Было замечено также, что университетом принимался этот факт в расчёт. Не было тайною для университета, что среди бакалавров и лицензиатов было немало таких, которые своими научными силами превосходили счастливых, добившихся высшей учёной степени. Отсюда объясняется допущение лицензиатов не только к преподаванию, но и в члены управляющего совета или сената факультета и к избранию в ректора. Напротив, университеты очень неблагосклонно относились к тем лицам, которые получали учёные степени вне университетского порядка. Дело в том, что и папа, и император, – последний иногда и сам лично, как было с Фридрихом III, обыкновенно же через пфальцграфов (*comites palatini*), – возводились в высшие учёные степени, помимо обычной университетской процедуры. Таких докторов называли «печатными» (*doctores bullati*), так как они получали от папы или от императора грамоты за печатью (*bullae*), подобно тому, как в Оксфорде называли «восковыми» (*doctores cereati*) тех докторов из ордена нищенствующих монахов, для которых получение степени было обставлено более лёгкими условиями, сравнительно с обыкновенными. Университеты или отказывали «печатным» докторам в признании, или связывали признание их с разными условиями, во всяком случае не равняли их со своими докторами. Да и сами папы соглашались, что равнять тех и других нельзя. Так, в булле Сикста IV от 1474 года было сказано: «Там, где требуется качество доктора, недостаточно, если кто креирован доктором в силу папской буллы или через пфальцграфа, а нужно, чтобы академическое достоинство было дано от университета».

(Продолжение следует)

